

Татьяна МЫСОВА
t.mysova@souzveche.ru

Владимир ГУБАРЕВ:

ТАЙКОМ ПОДОСЛАЛИ УБОРЩИЦУ, ЧТОБЫ СЛЕДИЛА ЗА ГАГАРИНЫМ

■ Известный журналист рассказал «СВ», как встречал первого космонавта, что делал на месте аварии ЧАЭС и что увидел на стройке атомной станции в Острове.

В ШКОЛЕ ЗВАЛИ ТРОШКОЙ

- Все вас знают как российского журналиста и писателя, но родились вы в Беларуси.

- В деревне Сватковичи под Кричевом (Могилевская область. - Ред.). Появился на свет буквально под пулями... Но из детства помню только обрывки... Например, родную тетю Соню, которая спасла 28 еврейских детей в партизанском отряде. Сегодня в кричевском музее есть о ней история. Еще помню 44-й, как уходили немцы, а перед этим сожгли всю деревню. И мы жили в землянках. Помню весну 46-го. Кто-то бежит и кричит: военный идет! Все думали, что мой отец погиб, я даже лица его не помнил. Смотрю, идет летчик, весь в орденах, и почувствовал: папа. После переехали в Москву, но почти каждый год ездили ловить рыбу на Сож или Неман. Не забуду начало учебы в Москве. В первом диктante сделал 78 ошибок, потому что писал на полубелорусском, через «а» и «ў» краткое. В школе всегда звали трошкой. Почему? Например, потирали сосед на улице, я ему на белорусском - подожди трошки (чуть-чуть. - Ред.).

- В юности вообще думали о журналистике?

- Никогда. Увлекался математикой, поэтому пошел в строительный (МИСИ. - Ред.) на «спецконструкции» - проектировал подземный аэродром. Летом, как и все студенты, ездил на целину. Как-то к нам пришли из «Московского комсомольца». Спрашивают, кто сможет написать о целине. Я взялся. Немного стал подрабатывать, сначала в «МК», потом в «Крокодиле». Заметили, пригласили на год в «Комсомольскую правду». Собрали таких же, как я, инженеров и сказали: будем создавать научную журналистику, космическую, ядерную. Так и остался на всю жизнь в профессии.

С ДАТОЙ СТАРТА ВЫШЛА ОШИБОЧКА

- На ваше время пришелся первый полет человека в космос. Многие думают, что газеты тогда выдавали только официальную информацию.

- На самом деле партизаны мы со страшной силой. Даже, по договоренности с начальством, конечно, забросили в отряд космонавтов журналистку - уборщицей. Она

В августе публицист (слева) оценил стройку объекта №1 в Беларуси - АЭС в Острове. Со знанием дела засыпал вопросами главного инженера Анатолия Бондаря и остался доволен увиденным.

передавала информацию, что там происходит, и пыталась узнать, когда состоится полет. В конце марта я прошел весь путь первых космонавтов, три дня крутился в центрифуге. Написал материал «Завтра полетит человек». Параллельно две группы дежурили у квартир космонавтов, ведь неясно было, кто полетит - Гагарин или Титов. Оставался вопрос с датой. Узнали, что старт будет с 11 по 15 апреля. Одиннадцатого я привез в редакцию материал. Думали, когда печатать. Раз полное молчание, решили, что завтра ничего не будет... Тринадцатого Королев тоже не пустит, число дурацкое. А оказалось, на космодроме всю связь вырубил, работал только один телефон. Потом так всегда делали перед пуском. Со стартом пропустили, зато с приземлением не прогадали. Никто же не знал, что Гагарин сядет в нерасчетном районе. А мы пронюхали через знакомых из ВВС и отправили своих ребят под Саратов. В общем, встретили!

- Потом был еще фильм о Гагарине...

- Когда работал в «Правде», ко мне обратились с телевидения. Получился честный фильм «Космический век. Страницы летописи». Но в Гостелерадио ленту раскритиковали - 28 замечаний. Только после вмешательства руководства его пустили в эфир. Ленту увидел Брежнев и сказал: «Хороший фильм!» А потом однажды я был на рыбалке, приезжаю домой в первом часу ночи, мне же-

на сообщает: звонил главный редактор, просил взять бутылку виски и ехать в редакцию. Приезжаю, а мне говорят - наливай. И дают газету. А там мое имя и «присудить госпремию СССР». Я говорю: за что? Меня ведь никто не выдвигал! Оказалось, на заседании политбюро Брежнев спросил: «А в списке есть тот человек, который снял фильм о Гагарине? Как нет! Это лучший фильм!»

СОРОК ДНЕЙ В ПЕКЛЕ

- Вы первым из журналистов побывали на месте аварии в Чернобыле.

- В том апреле презентовали художественную ленту о корабле-пришельце и ре-

шали, что снимать теперь. Я говорю: нужно сделать фильм-катастрофу о пожаре на атомной станции. И вот 26 апреля сижу в редакции на 76-й странице сценария. Раздается звонок: в Чернобыле происходит что-то непонятное. Связался с атомщиками, напросился с ними лететь в Киев. Тем же рейсом вернулись обратно. Звоню секретарю ЦК, говорю: нужно ехать, работать, там все очень серьезно. Тот сказал: «Еще раз обратись по этому поводу, положишь партбилет. Не разводи панику!»

- Но вы все-таки туда отправились?

- Вскоре секретарь ЦК позвонил сам: «Приезжай, сформируем бригаду». А это май -

ДОСЬЕ «СВ»

Владимир Губарев родился в 1938 году в Могилевской области в семье военного летчика. После войны окончил Инженерно-строительный институт имени Куйбышева в Москве. Занимался развитием научной журналистики в газетах «Комсомольская правда» и «Правда» - освещал вопросы ядерной энергетики и освоения космоса. Автор книг «Дорогами Вселенной», «Ядерный век», «Бомба», «Чернобыль», шести пьес об освоении космоса и других. Награжден Госпремией СССР, премией Ленинского комсомола, имеет орден «Знак Почета» и орден Гагарина.

все на даче. В итоге собралась группа из пяти журналистов, которые понятия не имеют об атомной энергии. В поезде, самолетом нельзя уже было, провел курс занятий, раздал всем дозиметры. Все смотрели на меня, как баран на новые ворота. Благо я всем запретил входить в 10-километровую зону, никто не переоблучился.

- Что же вы увидели на месте?

- Первое, что бросилось в глаза, - солдатик, который сидит на берегу и ловит рыбу напротив дымящейся станции. Он ничего не понимал. Над реактором кружили вертолеты и сбрасывали никому не нужные песок и цемент. Наша машина заразилась полностью, оставили ее на месте. В общей сложности за несколько командировок в Чернобыле я провел сорок дней. В начале июня начались проблемы со здоровьем. В сентябре окончательно вернулся. Было много споров. Например, на заседании ЦК постановили собрать 120 рыбацких бригад и выловить всю рыбу в киевском водохранилище. Я говорю: зачем? Чтобы рыба заразилась, радиация должна осесть на дно, отравить растения. Это долгий процесс. «Нет, ты не понимаешь!» - говорят. Я тогда поехал на Киевское море. Наловил рыбы и варю уху на пляже с дозиметром. Собралась толпа, местные репортеры. Так и пропагандировал. Конечно, через пару лет Припять стала зараженной, но тогда надо было силы концентрировать на эпицентре аварии.

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

«Испаримся быстрее, чем почувствуем боль»

- Вы были на многих станциях, в том числе на строящейся Белорусской АЭС. Какие впечатления?

- Стройка в Острове идет на высоком уровне. Ведь Беларусь больше всего пострадала после Чернобыля. Здесь же больше всего сделали, чтобы нейтрализовать последствия аварии. От этого у белорусов иное отношение к атомной станции. В Гомеле - один из лучших мировых центров по радиационным проблемам. Думаю, станция станет образцовой. На АЭС есть все необходимые системы безопасности. Ничего не произойдет, если качественно обслуживать.

- Больше полувека вы работали в ядерной, космической сферах. Было когда-нибудь страшно?

- Три раза испытывал физический ужас. Впервые - в 70-х, когда в Костроме горели леса. Прилетаем... Сосны вспыхивают одна за другой, никто ничего не может сделать. И человек во

власти природы. Второй раз было на военном полигоне «Капустин яр». Приехали на пуск боевой ракеты, хотели вблизи подсмотреть. Стартовый столб - 120 метров, мы же лежим на расстоянии метров двести, а ноги нам держат дежурные солдаты, чтобы, в случае чего, рвануть в траншею. Вспышка... вал огня перед самым носом. Удалось сделать только три кадра. Еще испытал ужас во время ядерного взрыва на Семипалатинском полигоне. Тогда понял, что такое дантов ад. Лежит земля - и вдруг она встает черной стеной, прокаливается, и из нее вырываются языки пламени. Думал, всех накроет.

Сегодня единственное, чего я боюсь - это термоядерной войны. Хотя разумом понимаю, что это бессмысленно. Однажды в Арзамасе-16, когда с Украины составами вывозили ядерное оружие, спросил у конструктора Негина: «А если рванет?» «Чего ты волнуешься, испаримся быстрее, чем почувствуем боль», - ответил он и засмеялся.